

Л. Н. ТОЛСТОЙ

Суеверие государства

<Фрагменты>

I

В чем ложь и обман учения о государстве

1.

Лжеучение государства состоит в признании себя соединенным с одними людьми одного народа, одного государства, и отделенным от остальных людей других народов и других государств. Люди мучают, убивают, грабят друг друга и самих себя из-за этого ужасного лжеучения. Освобождается же от него человек только тогда когда признает в себе духовное начало жизни, которое одно и то же во всех людях. Признавая это начало, человек уже не может верить в те человеческие учреждения, которые разъединяют то, что соединено Богом.

<...>

4.

Мы пользуемся благами культуры и цивилизации, но не благами нравственности. При настоящем состоянии людей можно сказать, что счастье государств растет вместе с несчастьями людей. Так что невольно задаешь себе вопрос, не счастливее ли бы мы были в первобытном состоянии, когда у нас не было культуры и цивилизации, чем в нашем настоящем состоянии?

Нельзя сделать людей счастливыми, не сделав их нравственными.

Кант.

5.

«Я очень сожалею о том, что должен предписывать отобрание произведений труда, заключение в тюрьму, изгнание, каторгу,

казнь, войну, т. е. массовое убийство. но я обязан поступить так, потому что этого самого требуют от меня люди, давшие мне власть», говорят правители. «Если я отнимаю у людей собственность, хватаю их от семьи, запираю, ссылаю, казню, если я убиваю людей чужого народа, разоряю их, стреляю в городах по женщинам и детям, то я делаю это не потому, что хочу этого, а только потому, что исполняю волю власти, которой я обещал повиноваться для блага общего», — говорят подвластные. В этом обман лжеучения государства. Только это укоренившееся лжеучение дает безумную, ничем не оправдываемую, власть сотням людей над миллионами и лишает истинной свободы эти миллионы. Не может человек, живущий в Канаде или в Канзасе, в Богемии, в Малороссии, Нормандии, быть свободен, пока он считает себя (и часто гордится этим) британским, североамериканским, австрийским, русским, французским гражданином. Не может и правительство, призвание которого состоит в том, чтобы соблюдать единство такого невозможного и бессмысленного соединения как Россия, Британия, Германия, Франция — дать своим гражданам настоящую свободу, а не подобие ее, как это делается при всяких хитроумных конституциях, монархических, республиканских, или демократических. Главная и едва ли не единственная причина отсутствия свободы — лжеучение о необходимости государства. Люди могут быть лишены свободы и при отсутствии государства, но при принадлежности людей к государству не может быть свободы.

<...>

7.

Можно понять, почему цари, министры, богачи уверяют себя и других, что людям нельзя жить без государства. Но для чего стоят за государство бедные, которым государство ничего не дает, а только мучает? Только оттого, что они верят в лжеучение государства.

8.

Лжеучение государства вредно уже одним тем, что выдает ложь за истину, но больше всего вредно тем, что приучает добрых людей делать дела, противные совести и закону Бога: обирать бедных, судить, казнить, воевать и думать что все эти дела не дурные.

9.

«Деспотизм, смертная казнь, вооружение всей Европы, угнетенное положение рабочих и войны, — все это великие бедствия, и правы те, кто осуждает действия правительств. Но как же жить без правительства, — говорят люди. — Какое имеем мы, люди с ограниченными познаниями и разумом, право, только потому, что это кажется нам лучшим, уничтожить тот существующий порядок вещей, посредством которого предки наши достигли настоящей высокой степени цивилизации и всех ее благ? Уничтожая государство, мы должны же что-нибудь поставить на его место. Если же нет, то как же рисковать теми страшными бедствиями, которые неизбежно должны возникнуть, если бы государство было уничтожено».

Ответ на это лжеучение дает христианское учение в его истинном значении. Христианское учение отвечает на это лжеучение тем, что оно переносит вопрос совсем в другую, более существенную и более важную для жизни каждого отдельного человека область. Христианское учение не предлагает ничего разрушать и никакого своего устройства заменяющего прежнее. Христианское учение тем и отличается от всех общественных учений, что оно говорит не о том или другом устройстве жизни, а о том, в чем заключается зло и в чем истинное благо жизни для каждого человека, а потому и всех людей. И путь, которым приобретается это благо, до такой степени ясен, убедителен и несомненен, что раз человек понял его и потому познал то, в чем зло и в чем благо его жизни, он уже никак не может сознательно делать то, в чем он видит зло своей жизни, и не делать то, в чем он видит истинное благо ее, точно так же, как вода не может не течь книзу или растение не стремиться к свету.

Учение же христианское все только в том, что благо человека в исполнении той воли, по которой он пришел в этот мир, зло же в нарушении этой воли. Требования же этой воли так просты и ясны, что их так же невозможно не понимать, как и превратно перетолковывать. Требования эти в том, чтобы не делать другому того, чего не хочешь, чтобы тебе делали. Не хочешь, чтобы тебя заставляли работать на фабрике или рудниках по 10 часов кряду, не хочешь, чтобы тебя насильовали и убивали, не делай этого, не участвуй в таких делах. Все это так просто, ясно и несомненно, что малый ребенок не может не понять этого, и никакой софист не может опровергнуть.

Вопрос же в том, какая форма жизни сложится вследствие такой деятельности людей, не существует для христианина.

10.

То, что от государства с его податями, судами, казнями много зла людям, все видят. Все видят и то, что для того, чтобы освободиться от этого зла, надо только не поддерживать государство в его злых делах. Отчего же люди не освобождаются от зла государства, от лжеучения государства? А от лжеучений одно спасение — истина.

II

Суеверие неравенства, выделяющее людей правительства, как особенных, из среды всего остального народа

1.

Люди в наше время так привыкли в тому, что из всех дел, которые делаются, есть такие, которые им запрещено делать, и такие, которые им велено делать, как бы это ни было трудно для них, и что если они будут делать то, что запрещено, и не будут делать того, что повелено, то кто-то за это накажет их, и им будет от этого худо. Люди так привыкли к этому, что и не спрашивают, кто те лица, которые запрещают им, и кто будет наказывать за неисполнение, и покорно исполняют все, что от них требуется.

Людям кажется, что требуют от них всего этого не люди, а какое-то особое существо, которое они называют начальством, правительством, государством. А стоит только спросить себя: кто такое это начальство, правительство, государство, чтобы понять, что это просто люди, такие же, как и все, и что приводить в исполнение все их предписания будет никто иной, а только тот самый разряд людей, над которыми и производятся эти насилия.

<...>

3.

Стоит только вдуматься в сущность того, на что употребляет свою власть правительство, для того, чтобы понять, что управляющие народами люди должны быть жестокими, безнравственными и непременно стоят ниже среднего нравственного уровня людей своего времени и общества. Не только нравственный но не вполне безнравственный человек не может быть на престоле

или министром, или законодателем, решателем и определителем судьбы целых народов. Нравственный добродетельный государственный человек есть такое же внутреннее противоречие, как целомудренная проститутка, или воздержанный пьяница, или кроткий разбойник.

<...>

5.

Разбойники обирают преимущественно богатых, правительства же обирают преимущественно бедных, богатым же, помогающим им в их преступлениях, покровительствуют. Разбойники, делая свое дело, рискуют своей жизнью правительства почти ничем не рискуют. Разбойники никого насильно не забирают в свою шайку, — правительства набирают своих солдат большей частью насильно. Разбойники делят добычу большей частью поровну, — правительства же распределяют добычу неравномерно: чем больше кто участвует в организованном обмане, тем больше он получает вознаграждения. Разбойники не развращают умышленно людей, — правительства же для достижения своих целей развращают целые поколения детей и взрослых ложными религиозными патриотическими учениями. Главное же, ни один самый жестокий разбойник Стенька Разин, никакой Картуш не может сравниться по жестокости, безжалостности и изощренности в истязаниях не только со знаменитыми своей жестокостью злодеями-государями: Иваном Грозным, Людовиком XI, Елизаветами¹ и т. п., но даже с теперешними конституционными и либеральными правительствами с их казнями, одиночными тюрьмами, дисциплинарными батальонами, ссылками, усмирениями бунтов, избиениями на войнах.

6.

Как удивительно то, что короли так легко верят тому, что в них все, и что народ так твердо верит в то, что он ничто.

Монтень

7.

Сильные мира кажутся великими только людям, которые стоят перед ними на коленях. Только встань люди с колен на ноги, и они увидят, что казавшиеся им такими великими люди — такие же, как и они.

8.

Главное зло государственного устройства не в уничтожении жизней, а в уничтожении любви и возбуждении разъединения между людьми.

III

Государство основано на насилии

1.

Существенной особенностью каждого правительства является то, что оно требует от граждан той силы, которая составляет его основу. Таким образом, в государстве все граждане являются угнетателями самих себя. Правительство требует от граждан насилия и поддержки насилию.

2.

Каждое правительство поддерживается вооруженными людьми, готовыми осуществлять силою его волю, сословием людей, воспитывающиеся для того, чтобы убивать всех тех, кого велит убивать начальство. Люди эти полиция и, главным образом, армия. Армия есть ничто иное, как собрание дисциплинированных убийц. Обучение ее есть обучение убийству, ее победы — убийства. Войско всегда стояло и теперь стоит в основе власти. Всегда власть находится в руках тех, кто повелевает войском, и всегда все властители от римских кесарей до русских и немецких императоров озабочены более всего войском. армия прежде всего поддерживает внешнее могущество правительства. Она не допускает того, чтобы власть была вырвана у него другим правительством. Война есть не что иное, как спор между несколькими правительствами о власти над подданными. В виду такого значения армий, каждое государство приведено к необходимости увеличивать войска, увеличение же войск заразительно, как это еще полтора века тому назад заметил Монтескьё. Но когда думают, что правительства содержат армию только для защиты от внешних нападений, то забывают, что войска нужны правительствам прежде всего для самозащиты от своих подавленных и приведенных в рабство подданных.

<...>

6.

Как часто встречаешь людей, осуждающих войны, тюрьмы, всякого рода насилия, и вместе с тем непосредственно участвующих в тех самых делах, которые они осуждают.

Человек нашего времени, если он не хочет поступать безнравственно, должен очень внимательно обдумать те кажущиеся невинными дела, к участию в которых он призывается. Как, съедая котлету, человек должен знать, что эта котлета есть тело убитого барана, так точно и получая жалование на оружейном, пороховом заводе, или на службе офицером, или чиновником по сбору податей, он должен знать, что он получает жалование за то, что участвует в приготовлениях к убийству или в отбирании у бедных людей произведений их труда.

В наше время самые большие и вредные преступления не те, которые совершаются временами, а те, которые совершаются непрерывно и не признаются преступлениями.

IV

Государство было временной формой общежития людей

1.

Может быть, что для прежнего состояния людей нужно было государственное устройство; может быть, для некоторых людей оно нужно еще и теперь, но люди не могут не предвидеть того состояния, при котором насилие может только мешать их мирной жизни. А видя и предвидя это, люди не могут не стараться ввести такой порядок, в котором насилие стали бы и не нужно и невозможно. Средство осуществления этого порядка есть внутреннее совершенствование, не допускающее участия в насилии.

2.

Как движется жизнь отдельного человека от возраста к возрасту, так точно движется и жизнь всего человечества. И как в жизни отдельного человека бывают такие времена, когда ребенок становится юношей и не может уже жить по-прежнему, и юноша становится зрелым мужем, и зрелый муж стариком, так и все человечество переживает разные возрасты. Все показывает то, что в наше время мы переживаем переход человечества из одного возраста в другой. Ребяческий и юношеский возраст пережит. Надо жить так, как свойственно жить в зрелом возрасте.

3.

Та перемена, которая предстоит теперь человечеству, это перемена то [го] животного состояния к человеческому. Переход этот возможен только при исчезновении государства.

Бакунин

4.

Государство — учреждение временное и должно исчезнуть. Сабля и ружье, оружия нашего времени, со временем будут показываться в музеях, как такие же редкости, как теперь показывают орудия пытки.

По Кросби

5.

В наше время люди уже начинают понимать, что время государства прошло, и что оно держится только утвердившимся лжеучением, но не могут освободиться от него, потому что все так или иначе запутаны в нем.

6.

Если государства и были когда-то на что-то нужны, то время это уже давно прошло, и государства, особенно теперешние, только вредны. Теперешние государства со своими войсками напоминают того часового, которого, как рассказывают, еще долго продолжали ставить на место, где когда-то была скамейка, на которой когда-то имела привычку садиться во время гуляния уже давно умершая императрица.

V

Законы не исправляют и улучшают, а ухудшают и портят людей

1.

Государство создает преступников быстрее, чем их наказывает. Наши тюрьмы набиты преступниками, которых развратили государство своими несправедливыми законами, монополиями и всеми своими учреждениями. Мы сначала издаем множество законов, порождающих преступления, а потом издаем еще больше законов для того, чтобы наказать за эти преступления

Тукер

2.

Государство издает столько законов, сколько отношений между людьми, которые должны быть определены. А так как отношений этих бесчисленное количество, то законодательство должно действовать непрерывно. Законы, декреты, эдикты, указы, постановления должны сыпаться градом на несчастный народ. Так оно и есть. Во Франции конвент в три года, один месяц и четыре дня издал 11 600 законов и декретов; учредительное и законодательное собрание произвели столько же. Империя и позднейшие правительства работали столь же успешно. В настоящее время собрание законов содержит их в себе, как говорят, более 50 000; если бы наши законодатели исполняли свой долг, эта огромная цифра удвоилась бы. Думаете ли вы, что народ и само правительство могут сохранить какой-нибудь здравый смысл в этой ужасной путанице?

Прудон

3.

Люди старательно вяжут себя так, чтобы один человек или немногие могли двигать ими всеми; потом веревку от этой самой связанной толпы отдадут кому попало и удивляются, что им дурно.

4.

Стоит только, отрешившись от принимаемого на веру лжеучения, и взглянуть на положение человека, живущего в государстве, — к какому бы самому деспотическому или самому демократическому государству он ни принадлежал, — чтобы ужаснуться на ту степень рабства, в котором живут теперь люди, воображая, что они свободны.

Над всяким человеком, где бы он ни родился, существует собрание людей, совершенно неизвестных ему, которые устанавливают законы его жизни: что он должен и чего не должен делать; и чем совершеннее государственное устройство, тем теснее сеть этих законов. <...> Нельзя перечислить всех законов на законах и правил на правилах, которым он должен подчиняться и незнанием которых (хотя и нельзя их знать) не может отговариваться человек самого либерального государства. <...>

И вот люди, поставленные в такое положение не только не видят своего рабства, но гордятся им, считая себя свободными гражданами великих государств Британии, Франции, Германии,

России, гордятся этим так же, как лакеи гордятся важностью господ, которым они служат.

<...>

8.

Гораздо естественнее представить себе общество людей, управляемое разумными, выгодными и признаваемыми всеми правилами, чем те общества, в которых живут теперь люди, подчиняясь, никто не знает кем установленным государственным законам.

VI

Оправдание необходимости государственного устройства

1.

Не утешай себя мыслью, что если ты не видишь тех, которых ты мучаешь и убиваешь, и если у тебя много товарищей, делающих то же, то ты не мучитель, не убийца: ты мог бы не быть им до тех пор, пока не знал, откуда те деньги, которые попадают тебе в руки, но если ты знаешь, то нет тебе оправдания не перед людьми (перед людьми во всем и всегда есть оправдание), а перед твоей совестью.

2.

Говорят, что государственное устройство справедливо, потому что оно установлено большинством голосов. Но это, во-первых, неверно, государственное устройство установлено не большинством голосов, а силой. А если бы даже оно и было поддерживаемо большинством голосов, то и это не делало бы его справедливым.

Не только один человек не имеет права распоряжаться многими, но и многие не имеют права распоряжаться одним.

3.

«Когда среди 100 человек один властвует над 99 — это несправедливо, это деспотизм; когда 10 властвуют над 90 — это также несправедливо, это олигархия; когда же 51 властвует над 49 (и то только в воображении — в сущности же опять 10 или 11 из этих 51) — тогда это совершенно справедливо — это свобода».

Может ли быть что-нибудь смешнее такого рассуждения, а между тем это самое рассуждение служит основой деятельности всех улучшателей государственного устройства.

<...>

5.

Говорят, что государство всегда было, и что поэтому нельзя жить без государства. Во-первых, государство не всегда было, а если и было и есть теперь, то это не показывает того, что оно всегда должно быть.

VII

Христианин не должен принимать участия в делах государства

1.

К правительствам, как к церквам, нельзя относиться иначе, как или с благословением, или с омерзением. До тех пор, пока человек не понял того, что такое правительство, так же, как и того, что такое церковь, он не может относиться к этим учреждениям иначе, как с благословением. Пока он руководится ими ему нужно думать, для его самолюбия, что то, чем он руководится, есть нечто самобытное, великое и святое. Но как только он понял, что то, чем он руководится не есть нечто самобытное и священное, а что это только обман недобрых людей, которые под видом руководства для своих личных целей пользовались им, — так он не может тотчас же не испытать к этим людям отвращения.

2.

Всякий истинный христианин при предъявлении к нему требования государства, противного его сознанию, может и должен сказать: «Я не могу доказывать ни необходимости ни вреда государства; знаю только одно то, что, во-первых, мне не нужно государство, а, во-вторых, что я не могу совершать все те дела, которые нужны для существования государства».

<...>

6.

Учение Христа всегда было противно учению мира. По учению мира, властители управляют народам, и, чтобы управлять ими, заставляют одних людей убивать, казнить, наказывать других людей, заставляют их клясться в том, что они во всем будут исполнять волю начальствующих, заставляют их воевать с другими народами. По учению же Христа ни один человек не может не только убивать, но насилловать другого, даже и силою сопротивляться

ему, не может делать зла не только ближним, но и врагам своим. Учение мира и учение Христа были и всегда будут противны друг другу. И Христос знал это и предсказывал Своим ученикам, что за то, что они будут следовать Его учению, их будут предавать на мучения и убивать, и что мир будет их ненавидеть, как он ненавидел Его, потому что они будут не слугами мира, а слугами Отца.

И все сбылось и сбывается так, как предсказал Иисус, если ученики Христа исполняют Его учение.

<...>

9.

Анархия не значит отсутствие учреждений, а только отсутствие таких учреждений, которым заставляют людей подчиняться насильно. Казалось, иначе бы не могло и не должно бы быть устроено общество существ, одаренных разумом.

<...>

11.

Суд состоит в том, что свет пришел в мир, но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы.

Ибо всякий делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличались дела его, потому что злы. А поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге сделаны.

Евангелие от Иоанна, III, 19–21.

Христианский анархизм. Мысли Л. Н. Толстого

Есть только два способа совместной согласной жизни людей: повиновение одному или нескольким распорядителям под страхом насилия или свободное соглашение людей, не исключающее и распорядителей, когда это нужно, но без права насилия*.

Меня причисляют к анархистам, но я не анархист, а христианин. Мой анархизм есть только применение христианства

* Дневник 1904 г. 22 дек.